

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литература народов мира (филологические науки)

УДК 82.091:821.111+821.161.1+821.19

¹ Гаспарян Л.А.

¹ Институт литературы им. М. Абегьяна
Национальной Академии наук

Специфика литературного и культурного трансфера в эссе Вирджинии Вульф «Своя комната»

Аннотация: цель исследования – представить специфику литературного и культурного трансфера на материале эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» в русских и армянских переводах. В этом ключе механизм культурного трансфера, предложенная компаративистом М. Эспанем, фокусируется на передаче микроструктурных сегментов художественного текста, выявляя различные переводческие сдвиги и преломления. На конкретных примерах показано стратегии «импортирования» понятий, переводческих сдвигов, а также готовность целевой литературной культуры к восприятию / невосприятию и адаптации идей и артефактов, которые отражают новаторские подходы Вульф. Результаты микроанализа позволяют сделать вывод, что процесс трансфера художественного текста зависит от разных аспектов: всестороннего синтеза контекста, (транс)креативности и намерения переводчиков. Немаловажным фактором является региональный платформ носителей целевой культуры (британо-русско-армянский), мировосприятие и литературные тенденции. В целом, окказионально сконструированные сегменты в эссе «Своя комната» местами труднопереводимы и весьма чувствительны при аналогичном структурно-семантическом трансфере, которые могут повлиять на целевую рецепцию.

Ключевые слова: литературный трансфер, культурный трансфер, Вирджиния Вульф, модернизм, русские и армянские переводы, эссе «Своя комната», микроструктура и макроструктура

Для цитирования: Гаспарян Л.А. Специфика литературного и культурного трансфера в эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 18 – 24.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gasparyan L.A.

¹ Institute of Literature named after M. Abeghyan
of the National Academy of Sciences

The specifics of literary and cultural transfer of Virginia Woolf's essay "A Room of One's Own"

Abstract: the purpose of the study is to present the specifics of literary and cultural transfer on the material of Virginia Woolf's essay "A Room of One's Own" in Russian and Armenian translations. In this vein, the mechanism of cultural transfer proposed by comparatist M. Espagne focuses on the transfer of microstructural segments of the literary text, revealing various translation shifts and fractions. Through the lens of analyzed examples, the strategies of "importing" concepts, translation shifts are presented. Moreover, the study reveals the readiness of the target literary culture to perceive / not perceive and adapt ideas and artifacts. The results of the microanalysis allow us to conclude that the process of transferring a literary text depends on various aspects: a comprehensive synthesis of the context, (trans)creativity and the intention of the translators. An important factor is the regional platform of the target culture (British-Russian/Armenian), worldview and literary trends. In gen-

eral, the occasionally constructed segments in Woolf's essay are very sensitive to similar structural-semantic transfer, which may cause certain difficulty and affect the target reader reception.

Keywords: literary transfer, cultural transfer, Virginia Woolf, modernism, Russian and Armenian translations, essay "The Room of One's Own", microstructure and macrostructure

For citation: Gasparyan L.A. The specifics of literary and cultural transfer of Virginia Woolf's essay "A Room of One's Own". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 18 – 24.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

Хотя Вирджиния Вульф известна своими романами, благодаря нелинейного и изысканного повествовательного стиля, ценным литературным материалом также являются ее новаторские эссе в стиле авангард, которые отличаются импрессионистической техникой письма и вращаются вокруг теории художественной литературы, истории литературы, женскому письму и т.д. В данной связи эссе Вульф «Своя комната» (1929) представляет социально-психологическую и эстетическую текстовую фактуру, одновременно отражая попытку писательницы экспериментировать с несколькими формами биографического повествования [14].

Материалы и методы исследований

Современная филология фокусируется не только на исследовании оригинала в «своем» литературном пространстве, но на рецепцию перевода в «чужом» культурном ареале через парадигму понятия «культурного трансфера». На основе теории и механизма «культурного трансфера», предложенная компаративистом М. Эспанем [11], данный анализ направлен на специфику репрезентации трансфера эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» в русских и армянских переводах (евразийская платформа рецепции). В этом ключе методология «культурного трансфера» основывается на передаче «часть через целое и целое через часть» на уровне микроструктурных и макроструктурных сегментов, а также на отражения экстра-текстуальных (контекстуальных) факторов.

При решении поставленных задач методологическими основаниями исследования выступают теория и методология «культурного трансфера» для представления «импортированных» понятий и переводческих «сдвигов»; сравнительный анализ – цель которого выявить результаты функционально-коммуникативной динамики и готовность «принимающей» культуры к восприятию и адаптации культурных реалий оригинала. А также метод обратного перевода с целью проецирования проблематики исследования на единую плоскость.

Эссе «Своя комната» имеет более чем пять русских переводческих версий среди них: Наталия Бушманова-Рейнгольд (1989/1992; 2002), Дарья Горянина (2019), Ольга Акопян (2019). На армянский язык эссе перевела Маник Еганян (2014 / переиздана в 2024). Первый русский перевод эссе со значительными пропусками / сокращениями был опубликован в журнале «Литературная учеба» (Literary Studies) в 1989 году: переводчица была Наталия Бушманова (которая сменила фамилию на Рейнгольд). Позднее Наталия Бушманова-Рейнгольд переиздала полную версию перевода эссе в 1992 году (с последующими переизданиями) в антологии «Эти загадочные англичанки...» (These Mysterious Englishwomen).

Результаты и обсуждения

«Своя комната» – эссе Вирджинии Вульф, разделенное на шесть глав, основано на двух лекциях, прочитанных в женских колледжах Ньюнхэм и Гертон в Кембридже в 1928 году [17]. В эссе Вульф анализирует тему женщины и художественной литературы, очерчивая социально-исторические рамки и значимость женщин в обществе и искусстве, начиная с периода Чосера до конца XIX века. В труде Вульф реализует новаторскую нарратологию в первом лице единственного числа, как рассказчик, ссылаясь на реальные исторические события, имен и фигур, а также на другие социо-культурологические метаданные. Происходя из семьи с викторианским укладом, Вульф осознает социально-исторические потрясения послевоенного периода, в котором традиционная роль женщины не может ограничиваться сугубо на бытовом уровне. Через призму авторского «потока сознания», читатели раскрывают одиссею мыслей и идей писательницы модернистского периода относительно женщины и их связь с художественной литературой. Шаг за шагом Вульф разворачивает последовательность событий, онтологически сопоставляет вымышленных персонажей или события с историческими реальными фигурами и действиями, убеждая читателей, что Fiction must stick to facts, and the truer the facts the better the fiction – Литература должен оперяться на фактах, и чем правдивые факты, тем реалистична художественная литература.

В переводе эссе «Своя комната», нельзя не заметить, что последующие повествовательные решения переводчика представляют характерные для процесса культурного трансфера «сдвиги» или «преломления» в силу инстанции целевого коммуникативного ареала и культуры [1].

Для комплексной «диагностики» закономерностей культурного переноса в переводческих текстах необходимо акцентировать на микроструктурные и макроструктурные стратегические предпочтения, «преломления» (неравенства) и «видимость vs. невидимость» переводчика в рамках лексико-грамматического, функционально-стилистического, коммуникативного уровня, выбора пунктуации, и т.д. Видимость переводчика преимущественно отражается через микроструктурные предпочтения, которые в свою очередь могут повлиять на глобальную текстовую структуру и соответственно на рецепцию целевого читателя. В переводах эссе «Своя комната» существуют случаи «видимости» переводчиков на уровне трансфера стилистических приемов, которые менее «чувствительные» для целевого восприятия и имеют малое влияние на глобальную семантику целевого текста (и соответственно целевого контекста). К примеру, представляя трудную жизненную одиссею Маргарет Ньюкасл, Вульф сравнивает ее с гигантским огурцом, душившего розы и гвоздики (перевод Н. Бушмановой, 1989/1992 г. и перевод О. Акопян 2024: 109) (as if some giant cucumber had spread itself over all the roses and carnations in the garden and choked them to death). Если в русских переводах в повествовании сохранилась образная фигура огурца, то в армянском варианте наблюдается семантический «сдвиг» с огурца на кактус (լիւլիւնիւ), который «пронзил роз и гвоздик кровавым мечом, как шипами, и задушил их» (աղյուծիւն փշէ թրերով ծաււ էր նրանց ու խեղդորոյն: перевод М. Еганян 2024: 76). В армянском варианте представляется «преломление» метафорического образа возможно в силу целевого культурного.

Однако выявляются различные переводческие стратегии и подходы, которые обусловлены намерением - интенции переводчиков. В статье Н. Прието, сопоставляя эссе «Своя комната» с переводами Хорхе Луиса Борхеса и Риверы Гарретаса, отмечает, что «видимость» Борхеса – переводчика очерчивается через андроцентрическое видение (androcentric vision). К примеру, на протяжении всего эссе Вульф обращается к женской аудитории / читателем, однако Борхес – переводчик более нейтрален и чувствителен даже к грамматическим правилам касательно женского рода [17].

Эссе Вирджинии Вульф «Своя комната» получило широкий резонанс в русской и армянской литературной культуре: в период с 1989 по 2021 год вышло более пяти русских переводческих версий эссе (впоследствии неоднократно переиздавались) и один армянский перевод. При этом нельзя не заметить, что и русские и армянские переводы эссе были представлены женщинами переводчиками. В переводах эссе особое значение имеют подстрочные комментарии переводчиков историко-культурологического характера, представляя подробные моменты западной культуры. Остановимся на конкретных примерах. Для передачи историко-культурных осей эссе «Своя комната» переводчики опирались на паратекстовые особенности в виде сносок, которые ориентированы на целевого читателя и представляют тех фигур, которые были в историческом и культурном «мейнстриме», такие как писатели Джейн Остин, Шарлотта и Эмили Бронте, Джордж Ромни (1734-1802) – английский портретист, или Ребекка Уэст (1892-1983) – писательница, английский критик, и т.д. Представляя деятельность женщин, их ограничения в социо-культурной платформе, Вульф иногда прибегает к гипнотическим изысканиям с опорой на стратегию Case-study. Например, Вульф описывает жизнь «воображаемой сестры Шекспира» и стереотип «неприемлемости» общества, если вдруг она решит вовлечься в сферу культуры. Данные стереотипы были весьма типичными в консервативном британском социуме. В статье «Эволюция викторианского текста в английской литературе» И. Ломакина (2024) отмечает, что поэт Роберт Саути высоко оценил стихи Ш. Бронте, которая она отправила ему в 1836 г., однако поэт порекомендовал Бронте сосредоточиться на обязанностях свойственных для женщин и оставить писательское ремесло [6].

При сравнении оригинала и переводов особое внимание уделено на трансфер заглавия эссе «Своя комната», которое является важным составляющим структуры и номинации текста, представляя «смысловой» пласт и текстовую целостность. Заглавия выявляет «сжатое и лаконичное» содержание рассказа / романа / эссе / труда и т.д. и имеет эксплицитную информационную функцию, прогнозируя в дальнейшем многогранность текстового сюжета. Оно выступает в качестве номинации, которая на макроструктурном уровне конденсирует важнейшую сторону всей текстовой фактуры/палитры и отражает «многозначную» или, скорее, «полифоническую» полноту высказывания. При переводе заглавия эссе Вульф A Room of One's Own спектр коннотативных оттенков слова room имеет многогранную интерпретационную формулу. В данной связи интерпретации заглавия и дальнейшая переводческая инкорпорация текста реализуется на фоне категории проспективной (prospective) и ретроспективной (retrospective). Если проспективная раскрывает «до-текстовую», изначальную информацию сюжета, то категория ретроспекции выявляется после чтения текста [2, 9].

Содержание эссе под заглавием *A Room of One's Own* (русский перевод – *Своя комната*, армянский перевод – *Միփախալի տնիշալ*) вращается вокруг взаимосвязи женщины и художественной литературы, и как заявляет Вульф: *a woman must have money and a room of her own if she is to write fiction* (женщина должна иметь деньги и свою комнату, если она собирается писать художественную литературу). Несомненно, название заглавия имеет полифоническую особенность, под которой также подразумевается необходимость иметь личное пространство – *room* – для самовыражения в обществе и творческой возможности. Элемент *room*, как пространство для самовыражения, может включать также вовлечение женщин в общественные дела (способность работать и иметь финансовую независимость), возможность иметь образование и готовность выражать женскую индивидуальность. В русских переводах заглавия *A Room of One's Own* передается как *Своя комната*, в армянской версии: *Միփախալի տնիշալ* (дословно *Собственная комната*).

В данной связи спектр семантической ассоциации единицы *room* в английском языке более динамичен (*the amount of space that someone or something needs and the opportunity for doing something*) представляя физическое и абстрактное (по Вульф возможно даже индивидуально-творческое) пространство. Очевидно, что семантические поля рецепции элементов *room* – *комната* – *տնիշալ* (дословно *комната*) в британо-русско-армянском культурном ареале неоднородны. Обе переводческие единицы *комната* и *տնիշալ* (дословно *комната*) обозначают концепцию части здания, которая отделена от других частей и отягощает «топографическое пространство», а не концептуальное пространство для творчества и индивидуальности. Рецепция единиц *комната* и *տնիշալ* в переводах не идентична с оригиналом. По мнению Марины Бережной, единица *room* помогает Вульф выразить идею социальных и культурных ограничений, налагаемых на женщин. Иными словами, понятие пространства в эссе отображает нехватку у женщины индивидуального пространства не для домашней жизни, ночных снов или рукоделия, а для самовыражения в рамках культуры и искусства – пространства для обретения личного «Я» [3].

Дальнейший анализ перевода через парадигму «культурного трансфера» выявил необходимость подчеркнуть роль переводчика как «опосредованного» автора, который имеет дело с многогранным процессом перевода реалий, лексико-грамматических структур, стилистических приемов и «окказиональных» воображаемых эпизодов. Цель переводчика-творческий подход: «транс-креативный» процесс [5] принятия решений с минимальным искажением макроструктуры текста и фонового содержания. Часто микроструктурная неэквивалентность или же неясность эпизодов зависит от структурно-семантической «ненатуральной» эквивалентности и стремлению к аналогичному результату с оригиналом, что приводит к неэквивалентному культурно-коммуникативному узусу и к прерыванию логической повествовательной нити.

Центральная «кульминационная» часть эссе «Своя комната» подчас является труднопереводимым отрывком, которое требуют от переводчика (trans)креативности и культурно-исторические фоновые «данные». Так, в шестой части эссе в рамках механизмов сопоставления и противопоставления Вирджиния Вульф выразила свое мировоззрение касательно соотношения женщины и мужчины. В широком смысле трехсторонний (английский – русский – армянский) сравнительный анализ выявил переводческие «сдвиги», которые преимущественно определяются «скопосом» (намерением) переводчика с целью построить перевод в соответствии требованиям целевого контекста. В таком случае переведенный текст может отражать «голос» или «видимость» переводчика посредством видимых вмешательств, которые критики воспринимали как норматив для «обеспечения адекватной коммуникации с целевой аудиторией», а «голос переводчика всегда присутствует как сопродюсер дискурса» («*safeguard adequate communication with the target audience*» and «*the translator's voice is always present as co-producer of the discourse*» [14, с. 20-21]).

Выявляются также случаи, когда семантико-структурные «кальки» приводят к неясностям и текстуальным недоразумениям. Давайте обсудим абзац.

Coleridge perhaps meant this when he said that a great mind is androgynous. It is when this fusion takes place that the mind is fully fertilized and uses all its faculties. Perhaps a mind that is purely masculine cannot create, any more than a mind that is purely feminine, I thought. But it would be well to test what one meant by man-womanly, and conversely by woman-manly, by pausing and looking at a book or two.

Не это ли имел в виду Колридж, когда говорил, что великий ум – всегда андрогин? Только при полном слиянии мужской и женской половин сознание зацветает и раскрывается во всех своих способностях. Видимо, чисто мужское сознание не способно к творческой деятельности, как, впрочем, и чисто женское, подумала я. Но не мешало бы остановиться и уточнить понятия мужественно-женского и, наоборот, женственно-мужественного типов сознания на одной или двух книгах.

Գուցէ իննց սա է Գոլըրիջը նկատի ունեցել, ասելով, որ «հանճարի միտքը երկսեռ է»: Այն է, որ երբ մտքերի նման միաձուլումը մինչև վերջ դառնում է բեղնավոր ու օգտագործում ամեն հնարավորություն: Կարծում եմ ինչպես որ գուտ մարդը տղամարդկային միտքը չի կարող ստեղծագործել, այնպես էլ կանացի

միտքը՝ առանց տղամարդկայինի: Բայց այստեղ ավելի լավ կլինի կանգ առնել ու փորձարկել մի քանի գիրք՝ պարզել, թե ո՞վ, ի՞նչ նկատի ունի ասելով՝ տղամարդ-կանացիորեն և հակառակը՝ կին-տղամարդկայնորեն:

Данный абзац можно оценить, как «кульминационный момент» эссе «Своя комната», где Вульф, основываясь на предположениях Кольриджа об андрогинной структуре человеческого разума или сознания, пытается разрешить дилемму – связь женщины с литературой – и выдвигает понятия *androgynous mind* (*man-womanly* и *woman-manly*), с целью отразить многогранность и сложность человеческого мышления. По наблюдениям К. Ликуори, Вульф утверждает, что женское литературное мышление может извлечь наибольшую пользу из андрогинности как литературной стратегии. Данный аргумент представляет потенциал использования концепции андрогинности как литературной стратегии в целом [20], что подтверждается самой Вульф, которая в конце эссе отмечает: ... the page headed *Women and Fiction*, is that it is fatal for anyone who writes to think of their sex.

Концепция андрогинности вызвала интерес многих современных критиков, а ее вульфовская характеристика стала предметом многочисленных дискуссий. Вирджиния Вульф была первой женщиной-писательницей, которая объяснила и обосновала понятия андрогинного разума / сознания / мышления в литературе и искусстве. Важно также отметить, что, разрабатывая понятие андрогинности, Вульф не намеревалась смешивать два пола в одно единое. На самом деле, она категорически против такого преобразования, которое приписывается писательнице. Из-за её «откровенных» текстов мало кто осознаёт, что Вульф подчас критиковала феминистское движение, называя феминизм порочным словом, которое причинило много вреда в своё время [12] а феминистское мышление полным обид. По Вульф, андрогинный разум – это не мужской разум. Это разум, настроенный на весь спектр человеческого опыта [18, с. 36].

Андрогинные персонажи присутствуют в литературе со времён греческой и римской мифологии. В философском дискурсе андрогинность рассматривается в труде Платона «Пир» (мужской пол происходил от Солнца, женский от Земли, третий, который состоял из женского и мужского одновременно – от Луны). В мировой философской и психологической практике XIX-XX вв. учение об андрогине интерпретировалась согласно разным культурологическим позициям, включая также духовную: ключевыми исследованиями являются работы К. Юнга (является основоположником теории андрогинности), Гете, Ницше, С. Беме, В. Соловьева, Н. Бердяева. По мнению И. Шадрихиной, если в XIX-XX вв. Западной Европе концепция андрогинности имеет декадентский характер, то в России, несмотря на декаданс, андрогинность выпадает в период Русского Духовного Ренессанса, которое опирается над поисками бессмертия через преодоление границ пола. Тематика андрогина в литературе стала популярной в поэзии Серебряного века (Блок, Белый, Булгаков, Лосев, Цветаева, стихи Н. Гумилева «Андрогин» et al) [10, с. 8]. Н. Мерзлая анализируя статью «Образ андрогина» (1974) Веин Микса, где апостол Павел утверждает, что во Христе «нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужского, ни женского, ибо все одно во Христе Иисусе» интерпретируется о духовной сущности андрогинности [7].

В начале эссе Вульф анализирует феминность и маскулинность в качестве социального статуса в пространственно-временной платформе, выявляя преимущественно патриархальный (маскулинный) канон объективной реальности. Постепенно, Вульф адаптирует читателя на принципиально иного – метафизического уровня повествования: андрогинность разума (*androgynous mind*), которое достигает диалектической взаимосвязи (феминно-маскулинности жена-мужская и маскулинно-феминности муже-женская природа), в частности в литературе и искусстве.

Слово *androgynes* состоит из греческих единиц *Andros* (мужчина) и *gune* (женщина). В мифологии слово *androgynes* обозначает существо-наполовину мужского и наполовину женского пола. Следуя структурно-семантическим особенностям отрывка, русские переводчики сохранили единицу *androgynous*, представляя ее как андрогин / андрогинность. В армянской версии единица *androgynus* трансформируется, как *երկրան* (имеющий оба пола), а сочетание *man-womanly, and conversely by woman-manly*, которое в армянском переводе представляется аналогичным эквивалентом искажает текстовую семантику ориентируя читателя преимущественно на физиологические данные. Минимальное микроструктурное искажение полифонической емкостью вульфовской концепции *androgynous* (без сноски или интерпретации в армянском переводе) влияет на рецепцию текста и авторскую интенцию. В армянской пространственной плоскости андрогинность воспринимается преимущественно с анатомо-физиологической точки зрения, которое находит свое отражение, в частности в медицине. Однако уже в XXI веке в современной армянской социальной реальности и миропонимания понятие андрогинность представляется через линзы социальных и гуманитарных наук.

Выводы

В целом, эссе Вульф «Своя комната» затрагивает актуальную тему, связанную с мировосприятием периода модернизма и с необходимостью «преломить» викторианский консерватизм и параметры роли женщи-

ны в новой социокультурной платформе. Через парадигму культурного трансфера удалось продемонстрировать ряд переводческих моментов, которые с одной стороны отражают лингво-структурную аналогию с оригиналом, а, с другой представляют семантические «сдвиги» влияя на читательскую рецепцию целевой культуры. Для получения аналогичных эффектов некоторые переводчики пытались сохранить структурно-семантические особенности в переводах, что порой может приводить к двусмысленности. Исследование также выявило, что в переводах отражается литературно-культурная «видимость» целевого историко-географического узуса.

Список источников

1. Андреева Е. Стратегии перевода языковых средств «потока сознания» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 7 (207). С. 44 – 50.
2. Банникова И.А. Интерпретация заглавия, начала и конца как особых компонентов текста // Вопросы стилистики. 1992. С. 64 – 71.
3. Бережная М.С. «Своя комната» (1929) Вирджинии Вулф: пространственная метафора в историко-культурном и гендерном прочтении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 3. С. 80 – 87.
4. Гаспарян Л.А., Полубояринова Л.Н. Специфика культурного трансфера в художественном переводе (на материале русских и армянских переводов британской литературной классики) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (3). С. 462 – 480.
5. Гиздатов Г.Г., Ким С.К. Перевод литературы абсурда как пример культурного трансфера («Случаи» Даниила Хармса на корейском языке) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15. № 1. С. 158 – 171.
6. Ломакина И. Эволюция викторианского тескат в английской литературе // Вестник Удмуртского Университета. Серия История и Филология. 2024. Т. 34. Вып. 6. С. 1384 – 1392.
7. Мёрзлая Н.П. Образ андрогина в раннехристианском гностицизме как принцип идентичности человека // Инновационные технологии в науке и образовании: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / ред. О.Н. Широков. Чебоксары, 2016. С. 242 – 246.
8. Музалевская Ю.Е. Андрогинный образ как поиск новой эстетики вестиментарной моды // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10. С. 80 – 85.
9. Николина Н.А. Филологический анализ текста. М., 2003. 256 с.
10. Шадрихина И. Андрогинность и Бессмертие в серебряном веке (на примере З. Гиппиус и М. Цветаевой) // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы VI Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2014. С. 360 – 367.
11. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер (пер. с французского М.Е. Балакирева и др.). М., 2018. 816 с.
12. Barrett M. Introduction. A Room of One's Own and Three Guineas. London, 1993. 176 p.
13. Bosseaux Ch. How Does it Feel?: Point of View in Translation: The Case of Virginia Woolf. Amsterdam, 2007. 247 p.
14. Horvath Fr. Discourse recognition and analysis of hate speech in Virginia Woolf's "Mrs. Dalloway" // Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Philology and Cultural Studies. 2023. Vol. 16 (65). No. 1. P. 103 – 111.
15. Liquori C.E. 'Woolf, LeGuin and Winterson: Androgyny as a literary strategy in twentieth-century women's writing'. The psychology of love. Santa Barbara, 2012. P. 175 – 195.
16. Pietro N. Virginia Woolf: The Translations of A Room of One's Own and Three Guineas to Construct a Feminine Genealogy // EPOS. XXXV. P. 81 – 108.
17. Ulrich Laurel T. Well-Behaved Women Seldom Make History. New York, 2007. 320 p.

References

1. Andreeva E. Strategies for Translating Linguistic Means of the "Stream of Consciousness". Bulletin of Orenburg State University. 2017. No. 7 (207). P. 44 – 50.
2. Bannikova I.A. Interpretation of the Title, Beginning, and End as Special Components of the Text. Questions of Stylistics. 1992. P. 64 – 71.
3. Berezhnaya M.S. Virginia Woolf's "A Room of One's Own" (1929): Spatial Metaphor in Historical, Cultural, and Gender Reading. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2017. Vol. 9. Iss. 3. P. 80 – 87.
4. Gasparyan L.A., Poluboyarinova L.N. Specificity of Cultural Transfer in Literary Translation (Based on Russian and Armenian Translations of British Literary Classics). Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2023. No. 20 (3). P. 462 – 480.

5. Gizdatov G.G., Kim S.K. Translation of Nonsense Literature as an Example of Cultural Transfer (Daniil Kharms's "Cases" in Korean). Slovo.ru: Baltic Accent. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 158 – 171.
6. Lomakina I. Evolution of Victorian Tescat in English Literature. Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series. 2024. Vol. 34. Iss. 6. P. 1384 – 1392.
7. Merzlaya N.P. The Image of the Androgyne in Early Christian Gnosticism as a Principle of Human Identity. Innovative Technologies in Science and Education: Proc. of the VIII International Scientific and Practical Conf. Ed. O.N. Shirokov. Cheboksary, 2016. P. 242 – 246.
8. Muzalevskaya Yu.E. The Androgynous Image as a Search for a New Aesthetics of Fashion. Society: Philosophy, History, Culture. 2023. No. 10. P. 80 – 85.
9. Nikolina N.A. Philological Analysis of the Text. Moscow, 2003. 256 p.
10. Shadrikina I. Androgyny and Immortality in the Silver Age (based on Z. Gippius and M. Tsvetaeva). Social Ontology in the Structures of Theoretical Knowledge: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference. Izhevsk, 2014. P. 360 – 367.
11. Espagne M. The History of Civilizations as a Cultural Transfer (translated from French by M.E. Balakirev et al.). Moscow, 2018. 816 p.
12. Barrett M. Introduction. A Room of One's Own and Three Guineas. London, 1993. 176 p.
13. Bosseaux, Ch. How Does it Feel?: Point of View in Translation: The Case of Virginia Woolf. Amsterdam, 2007. 247 p.
14. Horvath Fr. Discourse recognition and analysis of hate speech in Virginia Woolf's "Mrs. Dalloway". Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Philology and Cultural Studies. 2023. Vol. 16 (65). No. 1. P. 103 – 111.
15. Liquori C.E. 'Woolf, LeGuin and Winterson: Androgyny as a literary strategy in twentieth-century women's writing'. The psychology of love. Santa Barbara, 2012. P. 175 – 195.
16. Pietro N. Virginia Woolf: The Translations of A Room of One's Own and Three Guineas to Construct a Feminine Genealogy. EPOS. XXXV. P. 81 – 108.
17. Ulrich Laurel T. Well-Behaved Women Seldom Make History. New York, 2007. 320 p.

Информация об авторах

Гаспарян Л.А., кандидат филологических наук, Институт литературы им. М. Абегяна Национальной Академии наук, luisa.gasparyan83@gmail.com

© Гаспарян Л.А., 2025